

ISSN 0236-2007

ЧЕЛОВЕК

6 · 1998

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Бабков Василий

Васильевич – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН. Опубликовал в журнале “Человек” статьи “Друзья и враги Тимофеева-Ресовского” и “Докторская степень Н.В. Тимофеева-Ресовского”.

Материал подготовлен при поддержке РФНФ; проект 97-03-04373.

¹ О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ 31 июля – 7 августа 1948 г. М., 1948. С. 512.

² Вавилов Ю.Н. Август 1948. Предыстория // Человек. 1998. № 4. С. 110.

³ Вавилов Ю.Н. Указ. соч.

⁴ Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 76–94.

КАК КОВАЛАСЬ ПОБЕДА НАД ГЕНЕТИКОЙ

© 1998

В.В. Бабков

Решение поставить мировую генетику вне закона в одной, хотя и очень большой стране, принял лично И.В. Сталин. Собственное решение о сессии ВАСХНИЛ 1948 года Сталин оформил как Постановление Политбюро и Совмина (15 июля 1948). Когда Т.Д. Лысенко заявил: “ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его”¹, то “ЦК” означал “Сталин”. Доклад, написанный по распоряжению Сталина и им исправленный (из-за чего *июльская сессия превратилась в августовскую*), не было нужды одобрять ЦК.

Осенью 1947 года, почти за год до разгрома генетики, Сталин конфиденциально высказал свою позицию: “Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой”, – читаем мы в документе из личного архива Сталина, недавно рассекреченном и опубликованном². Это была уже, так сказать, зрелая воля; корни его выбора видны в развитии событий первой половины 1930-х годов³.

Надо сказать, что Сталин уделял пристальное внимание наукам о человеке (и не только психологии и психоанализу, чьим патроном был Л.Д. Троцкий), которые в результате угнетались и *перековывались* или запрещались. Что же до генетики, то Сталин демонстрировал особый интерес к генетике человека, которая в нашей

стране имела форму сначала евгеники Н.К. Кольцова, затем – медицинской генетики С.Г. Левита⁴.

Вообще для Сталина характерно долгое тайное обдумывание важного шага и внесение личного мотива в принятие государственного решения, – товарищи по партии даже говорили о сталинской теории “сладкой мести”. Не менее характерно для него (как, впрочем, для любого номенклатурщика) и перекалывание ответственности на коллективную волю номенклатуры и ссылки на требования трудящихся – *глас народа*.

Лысенко в какой-то момент стал партнером номенклатуры; тогда он пригодился Сталину в его многолетней беспрецедентной войне против генетики. Бросим взгляд на историю “народного академика” и на этапы укрощения науки⁵.

Лысенко – поиск пути

Крестьянский сын, Т.Д. Лысенко приложил немало сил, чтобы “выбиться в люди”, то есть избежать тяжелого и неприбыльного крестьянского труда. Перед первой мировой войной он уже учился в Полтавской садоводческой школе, а в начале 1920-х мы находим его на Белоцерковской селекционной станции Сахаротреста Украины. Две краткие публикации 1923 года (в “Бюллетене” управления по сортоиспытаниям Сахаротреста), посвященные селекции тома-

тов и прививке сахарной свеклы, демонстрируют устремление освоить приемы научной работы, – но также и зародыши его будущих фантастических теорий.

Во второй половине 20-х годов он попадает на Центральную опытную селекционную станцию в Гандже. Ему поручена проблема кормов для скота в зимнее время, – и очерк “Поля зимой” известного правдинца В. Федоровича впервые представляет широкой публике “босоногого профессора”: “Если судить о человеке по первому впечатлению, то от этого Лысенко остается ощущение зубной боли, – дай бог ему здоровья, унылого он вида человек”⁶.

В Гандже Лысенко (совместно с Д.А. Долгушиным) сделал первую большую работу, посвященную влиянию температуры на развитие растений, – от нее остается впечатление некоторой беспомощности (из-за громадного количества необработанного материала) и ученической старательности. Эти материалы дали основу одному из приблизительно 300 узкоспециальных сообщений на грандиозном (2000 участников) и очень демократичном Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, прошедшем под руководством Н.И. Вавилова в январе 1929 года в Ленинграде. “Ленинградская правда”, освещавшая пленарные заседания в духе сенсаций, дала однажды материал, озаглавленный “Можно превратить озимый злак в яровой”. Речь шла о работах крупного физиолога растений Н.А. Максимова. Лысенко же (выступившего на секционном заседании) там никто особенно не заметил, – кроме Максимова, раскритиковавшего низкий уровень его работы. (Через пять лет, после ареста и высылки, Максимов будет тщательно выбирать выражения, говоря о новом любимце номенклатуры.)

Крах ожиданий заставил Лысенко сменить ориентацию с академической карьеры на поиск ус-

пеха среди партийных и государственных чиновников. Для быстро взлета ему требовалась сенсация. Но такую же сенсацию искали П.П. Постышев и украинский наркомзем: две зимы подряд, 1927/28 и 1928/29, вымерзали громадные посевы озимой пшеницы. После двух неурожаяев резонно было ожидать повышенного урожая. Но местному начальству требовалось чудодейственное средство решения всех проблем – для победного рапорта Кремлю.

По официальной версии, в феврале 1929 года Лысенко предложил отцу зарыть в снег семенную озимую пшеницу и весной высеять наклюнувшиеся семена. (В середине 60-х в ходу была циничная, но правдоподобная версия: Лысенко-отец прятал от продотрядов пшеницу, зерно промокло и проросло, по жадности он засеял поле этим зерном.) 1 мая Д.Н. Лысенко засеял полгектара; о контрольном посеве речи не было. В разные годы по поводу этого случая сообщалось об удвоении и утроении урожая, об увеличении его на 10 или на 15%. Летом 1929 года наркомзем Украины объявил о решении проблемы зерновых. Лысенко был направлен для работы в одесский Институт селекции и генетики. Летом сенсация прокатилась по центральным газетам. Осенью Лысенко получил весомую поддержку со стороны только что назначенного наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева (впоследствии – заведующий Сельхозотделом ЦК и гонитель генетиков). Чудодейственная яровизация (вместо кропотливой селекционной и агротехнической работы) пришлось ко времени: Сталин требовал получать в каждой конкретной области угодные ему результаты, невзирая ни на какие известные науке пределы возможностей.

Здесь на сцену выходит И.И. Презент, недоучившийся юрист, марксист и морганист. Презент не пытался изобрести что-либо новое; он просто критиковал “буржуаз-

В. Бабков
Как ковалась
победа
над генетикой

⁵ Самое основательное исследование лысенковщины предпринято Д. Журавским: Joravsky D. The Lysenko Affair. Harvard, 1970 (2-е изд.: Chicago, 1988). А также см.: Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
⁶ Правда. 1927. 7 августа.

ных” зоологов, вроде Ю.А. Филипченко; при этом обычно воспроизводил структуру текстов Сталина. Была, впрочем, у него слабость – приверженность к глобальным натурфилософским построениям. Он не мог, скажем, пройти мимо учения о биосфере В.И. Вернадского (и жестоко критиковал его). В 1932 году, увлеченный идеей центров происхождения растений (свободной от натурфилософии) и сознавая свою онтологическую вторичность, он пришел проситься к Н.И. Вавилу: вы гений, но этого не знаете, я знаю; вам нужен философ, вместе мы завоюем всю биологию. Вавилов категорически указал на дверь. А он вскоре оказался в кабинете Лысенко: вы гений, но... (и т.д.). Лысенко подумал, и в 32–35 годах сложился их союз. Презент был в восторге: “Я нашел такого парня, с которым можно делать большие дела”, – заявил он приятелю, встреченному в библиотеке⁷.

В начале 1935 года Лысенко удостоился высочайшей похвалы. Его выступление на 2-м съезде колхозников-ударников, с демагогическими призывами к классовой бдительности, было превращено на психологически точно выдержанном заявлении (он не какой-то слез, нет, он свой, он только ярговизатор): «С т а л и н: “Браво, т. Лысенко, браво!” В зале аплодисменты»⁸.

Первая генетическая дискуссия

Реплика Сталина стала эпиграфом к первой волне натиска на генетику – первой генетической дискуссии. Она шла в печати с середины 1935 года, ее кульминацией стала IV сессия ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина) 19–27 декабря 1936 года, посвященная “Спорным вопросам генетики и селекции”.

Летом 35-го Лысенко с сотрудниками, ради власти любой ценой, направил сельскохозяйственному

начальству лживый и льстивый рапорт: “При Вашей поддержке наше обещание вывести в два с половиной года, путем скрещивания, сорт яровой пшеницы для района Одесщины, более ранний и более урожайный, нежели районный сорт “Лютесценс 062” – выполнено. Новых сортов получено четыре”⁹.

Академики П.Н. Константинов и П.И. Лисицын и доктор Дончо Костов, побывавшие в июле 1936 в Одесском институте, базе Лысенко, выяснили, что его претензия на сверхбыстрое выведение четырех сортов пшеницы – надувательство. Оказалось, что получен лишь один кандидат на сорт: “зерно пшеницы 1163 слишкoм мучнисто и, по словам акад. Лысенко, дает плохой сбор... Кроме того, сорт поражается и головней”¹⁰. Константинов, Лисицын и Костов критиковали Лысенко за неэффективность повсеместного применения яровизации и провал работы над морозостойкой озимой пшеницей. Они возмущались тем, что Лысенко отрицает существование вирусов и занимается летними посадками картофеля вместо борьбы с вирусными заболеваниями. Показали неэффективность лысенковских “посевов по стерне”. Критиковали идею Презента о неиндустриальном скрещивании – “браке по любви”. Их особую озабоченность вызвало снижение стандартов сортоиспытания в результате деятельности Лысенко – “сорт в один год”. Коснувшись вопроса яровизации озимой пшеницы, авторы подчеркнули: «В изложении акад. Лысенко и, по-видимому, в его представлении весь процесс очень близок к ламаркистской концепции “превращения”»¹¹.

Генетики не ограничились академической критикой “брака по любви” и летних посадок картофеля; в ходу была пародия на мотив популярной песни тех лет:

Расцветали цветики на ветках
И туманы плыли над рекой.
А в цветочках зрели яйцеклетки,
Опыляясь Презента пыльцой.

⁷ Это рассказал автору в 60-е годы свидетель разговора.

⁸ Правда. 1935. 15 февраля.

⁹ Яровизация. 1935. № 1.

¹⁰ Константинов П.Н., Лисицын П.И., Костов Д. Несколько слов о работах одесского Института селекции и генетики // Сборник дискуссионных статей по вопросам генетики и селекции. М., 1936. С. 119. (Перепечатка из: Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 11.)

¹¹ Константинов П.Н. и др. Указ. соч. С. 120.

Опылялись они не случайно, –
По любви свершался тайный брак,
И пыльца сжирала яйцеклетку,
Словно кошка мышку натошак.

Ах ты, клетка, клетка пыльцевая,
Ты умерь свой зверский аппетит.
Ведь твоя подружка дорогая,
Яйцеклетка, тоже хочет жить.

Ах ты, песня, песня менделиста,
Ты лети к Трофиму в кабинет.
И новатору – гиганту мысли
Наш формальный передай привет.

Пусть он вспомнит гены и гаметы,
Хромосом редукцию поймет.
Пусть картошку бережет на лето,
А науку – Мендель сбережет.

Интересный сюжет рассказал
однажды генетик Д.В. Шаскольский¹². Пчеловод Б.М. Музалевский заявил небольшой доклад на сессии. Летом 1936 года он был рядом с институтом Лысенко и зашел туда, чтобы получить подтверждение. Лысенко заинтересовался биологией пчелы, и в конце длинной беседы Музалевский спросил, как Лысенко удаются такие крупные дела. На что получил краткий ответ: “Я имею право входа”. Речь шла о доступе к Сталину.

К началу дискуссии Лысенко был отмечен знаками симпатии Сталина, номенклатуры и обслуживающих ее идеологов и прессы. Вавилов же, глава растениеводческой империи и ведущего генетического института АН СССР, терял свои позиции. В 35-м он был смещен с поста президента ВАСХНИЛ (оставшись одним из трех вице-президентов). В том же году Вавилов получил разрешение Совнаркома на проведение VII Международного конгресса по генетике в августе 37-го в СССР, но в оргкомитет был включен также Лысенко. Президентом оргкомитета вместо Вавилова утвердили А.И. Муралова – нового президента ВАСХНИЛ, а С.Г. Левита, директора Медико-генетического института в Москве, сместили с поста генерального секретаря оргкомитета.

Важную роль в формировании отношения публики к генетике играл тон газетных сообщений. “Известия” предварили научную часть сессии сообщением, что академик Вавилов будет выступать с докладом, “критикующим научные взгляды молодого ученого Лысенко, а последний – выступает с докладом, критикующим антидарвинистический характер некоторых теоретических положений Вавилова”.

На декабрьской сессии было четыре основных докладчика: Вавилов, Лысенко, Серебровский и Мёллер (американский генетик, работавший тогда в СССР). Вавилов возлагал надежды на будущий Конгресс по генетике (он уже был перенесен советским начальством с 1937 на 1938 год), который продемонстрирует миру и стране блестящие научные и практические успехи русских генетиков и убожество обскурантов Презента и Лысенко. Поэтому выступая с прекрасным, чисто академическим докладом “Пути советской селекции”, он старательно избегал конфронтации. (В заключительном слове, однако, ему все же пришлось защищать закон гомологических рядов от обвинений в антидарвинизме и витализме и критиковать браковку гибридов по первому поколению при селекции на скороспелость и внутрисортные скрещивания – идеи Презента и Лысенко.)

Основным на дискуссии был вопрос, пророчески поставленный Н.К. Кольцовым еще в апреле 1931 года: “С чем должны идти биологи-материалисты на строительство сельского хозяйства: с генетикой или ламаркизмом?”¹³.

Ламаркизм в то время в общественном сознании был связан с наследованием внешних влияний. Со второй половины 30-х так именовалась доктрина Лысенко – Презента о возможности *переделки природы* растений и животных в угодных начальству направлениях и масштабах. Настоящая теория Ламарка ничего общего с этим

В. Бабков
Как ковалась
победа
над генетикой

¹² Круглый стол. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 1. С. 121–122.

¹³ Этот вопрос Кольцов поставил на собраниях Общества биологов-материалистов (см.: Против механистического материализма и меньшевистского идеализма в биологии. М.–Л., 1931. С. 49). В ответ Г.А. Баткис назвал Кольцова “руководителем реакционной партийной биологии”, а председатель общества Б.П. Токин “отверг попытку” Кольцова “возглавить позицию единства теории и практики”.

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

сервизмом не имела, как и работы Мичурина – с “мичуринской биологией” Презента, Лысенко и их сторонников.

Презент и Лысенко верно уловили желание начальства заменить четкий принцип изначальности гена смутным представлением о наследовании внешних воздействий. Но еще была на слуху критика ламаркизма на философской дискуссии 29–31 годов. Поэтому на роль иконы пока что примерялись садовод И.В. Мичурин, животновод М.Ф. Иванов, физиолог растений и критик “мендельянцев” (и всех новых экспериментальных направлений) К.А. Тимирязев, и особенно Чарлз Дарвин.

Лысенко в докладе “За дарвинизм в агробиологической науке” сосредоточился на двух вопросах. Первый, “повышение качества посевного материала растений самоопылителей путем внутрисортного скрещивания”, уже подвергся уничтожающей критике П.Н. Константинова с соавторами, показавших невозможность “обновления” сорта на основе “брака по любви”, то есть случайного скрещивания. (В опубликованном варианте¹⁴ из речи Лысенко изъяты почти все выпады в адрес Константинова и Лисицына.)

Второй вопрос – “переделка природы растения путем воспитания”. Лысенко оказывает знаки почтения Вавилону (урезаны в публикации) и старается обойтись без слова “ламаркизм”, “... все абсолютно [генетики] несли одно – разве можно путем воспитания менять природу растения. Да это ламаркизм. На самом деле, товарищи, если из этого получается дело, а я дальше покажу, что получается, тогда это не ламаркизм, потому что ламаркизмом называется то, после чего дело не получается (Аплодисменты).”

Дело заключается вот в чем. Никто не признает ламаркизм, и большего врага ламаркизма, как Презент, по-моему, трудно найти (Аплодисменты).

И в то же время Презент не

только поддерживает эту ламаркистскую вещь, которую я проповедую, но просто является, пусть он опровергнет и скажет, что я не прав, душой этого дела (Аплодисменты)”¹⁵.

Первую часть доклада “Генетика и животноводство” А.С. Серебровский посвятил критике взглядов Лысенко и Презента. “Снова подняло голову ламаркистское учение в нашей агрономии и животноводстве, течение архаическое, объективно реакционное и потому вредное. Под якобы революционными лозунгами “за истинную советскую генетику”, “против буржуазной генетики”, “за неискаженного Дарвина” и т.д. мы имеем яростную атаку на крупнейшие достижения науки XX века, мы имеем попытку отбросить нас назад на полвека. Какими бы хорошими и благородными чувствами не руководилось большинство наших противников, объективно их подход, направленный по совершенно ложному пути, является во многих отношениях просто скандальным и уже сейчас наносит вред нашему хозяйству хотя бы тем, что сбивает с толку недостаточно устойчивую часть нашей научной молодежи и работников племенного дела”¹⁶. Подчеркивая значение закона кратных отношений Менделя (на котором “выросла вся генетика”), Серебровский сказал: “... никакого *селективного оплодотворения*, то есть выбора гаметми друг друга при оплодотворении, *не существует* во всех тех случаях, когда кратные отношения имеют место. Если бы гаметы выбирали друг друга “по любви”, как фантазируют И.И. Презент и Т.Д. Лысенко, это прежде всего нарушило бы кратные отношения”¹⁷. Две другие части доклада касались вопросов взаимодействия генов и ярких достижений селекции, полученных на основе генетических подходов.

Вопросы генетики человека – то есть евгеники и медицинской генетики – не были уместны на сессии Сельскохозяйственной академии и не планировались к обсуждению.

¹⁴ Спорные вопросы генетики и селекции. М.–Л., 1937.

¹⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 8390. Оп. 1. № 763. Л. 79.

¹⁶ Спорные вопросы генетики и селекции. С. 72–73.

¹⁷ Там же. С. 77.

Но в начале мая 1936 года Г.Г. Мёллер направил Сталину большое письмо о евгенических мероприятиях в социалистическом обществе, с которым тот познакомился, вероятно, в начале июля¹⁸. Неудовольствие Сталина сперва выразилось в газетной кампании в ноябре 36-го по дискредитации Левита и Медико-генетического института. После критики Левит был исключен из партии. Теперь лысенковцам и их покровителям требовалось нейтрализовать эффект доклада Серебровского. Ему припомнили рецепт выполнить пятилетку "в 2 1/2 года" (если удастся очистить население Союза от груза мутаций) в статье 1929 года – и особенно признание евгенических ошибок в статье 1930 года¹⁹. Директор Всесоюзного института животноводства лысенковец Г.Е. Ермаков не мог возражать Серебровскому по сути дела и обратился к его старым антропогенетическим проектам, называя их *мусором и фашистским бредом*: эти "высоко-теоретические и генетические" рассуждения хороши для политики Гитлера, говорил он, но не для нашего социалистического общества²⁰. Генетик Н.П. Дубинин, ученик Серебровского, отметил грубейшие, реакционные ошибки в вопросах антропогенетики у своего учителя²¹. Г.К. Мейстер осудил его проект искусственного осеменения человека в евгенических целях²². Г.Г. Боссэ (из МГУ) и И.И. Презент связывали генетику человека с расизмом. Серебровский, однажды раскаявшись, должен был повторное извиняться, упомянув "целый ряд грубейших политических и антинаучных, антимарксистских ошибок, о которых мне в настоящее время тяжело вспомнить"²³.

Такое развитие событий показывало номенклатуре, журналистам, публике отношение высшего начальства к генетике человека. И все же закрытие Медико-генетического института летом 37-го и арест Левита в январе 38-го (в мае он был приговорен к смертной казни и расстрелян) стало шоком.

Теперь генетика человека ассоциировалась со смертельной опасностью для всякого, кто станет ею интересоваться.

На сессии приложений ламаркизма к человеку коснулся также четвертый докладчик – Г.Г. Мёллер в содержательном докладе "Современное состояние экспериментальных данных о природе гена". Он другими словами повторил аргумент Ю.А. Филипченко 1925 года²⁴, известный ему, в частности, от Н.К. Кольцова, стойкого защитника генетики, ставшего в дискуссии 1936 года лидером наиболее активной антилысенковской части аудитории. Основную часть доклада Мёллера зачитал Кольцов. Поблагодарив его, Мёллер прочел заключение, замененное в опубликованной стенограмме тремя вялыми бесцветными фразами. Приведем (впервые) этот энергичный фрагмент по стенограмме.

"Мы должны удвоить наше внимание, чтобы не только высоко держать знамя в больших теоретических разделах нашей области, но даже еще выше в отношении той связи теории с практикой, какую мы покажем. Если, однако, наши выдающиеся практики будут высказываться в пользу теорий и мнений, явно абсурдных для каждого обладающего хотя бы элементарными знаниями в генетике, как положения, выдвинутые недавно Презентом, Лысенко и их единомышленниками, то ученые, являющиеся друзьями СССР, будут глубоко шокированы, ибо в данном случае стоящий перед нами выбор аналогичен выбору между знахарством и медициной, между астрологией и астрономией (аплодисменты), между алхимией и химией.

Наконец, необходимо отметить, что если бы ламаркизм, идейная группа которого боролась здесь против генетики, получил здесь широкое распространение, то этим была бы создана благодатная почва для сильной идеологической поддержки претензий фашистов, верящих в сохранение зародышевой плазмы.

В. Бабков
Как ковалась победа над генетикой

¹⁸ Письмо Г. Мёллера – И.В. Сталину // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 65–76; Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии // Там же. С. 76–94.

¹⁹ Бабков В.В. Н.К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 3–19.

²⁰ Спорные вопросы генетики и селекции. С. 245.

²¹ Там же. С. 335.

²² Там же. С. 412–413.

²³ Бюллетень IV сессии. № 8. 30 декабря 1936. С. 21.

²⁴ Филипченко писал: "Раз наследственность приобретенных свойств существует, то, очевидно, все представители этого класса [пролетариата] несут на себе следы тех неблагоприятных влияний, которым их отцы, деды и целый ряд более отдаленных предков подвергались в течение длительного ряда лет. Уже в силу этого благоприятных наследственных зачатков, генов наиболее ценных специальностей среди наших многострадальных пролетариев и крестьян должно быть неизмеримо меньше, чем в других классах, живших так долго в особо благоприятных условиях".

Должен казаться совершенно естественным вывод, что поскольку пролетарии всех стран и особенно колониальных в продолжение долгого времени были в условиях недоедания, болезней и при отсутствии возможностей для умственного труда и фактически были рабами, то они должны стать за это время по своим наследственным задаткам и биологически низшей группой по сравнению с привилегированными классами (аплодисменты), как в отношении физических, так и умственных черт. Ведь согласно этой теории подобные фенотипические признаки должны были в некоторой степени отразиться и в половых клетках, развивающихся как часть соматических тканей.

То обстоятельство, что эта порочная и опасная доктрина была бы логическим следствием ложных ламаркистских предпосылок, которые в настоящее время выдвигаются противниками генетики, должно заставить взяться с особенной резкостью поддерживать перед всем миром критическую научную концепцию наследственности и изменчивости. Обострение борьбы с фашизмом, свидетелями которой мы в настоящее время являемся, делает это особенно настоятельным (продолжительные аплодисменты)²⁵.

Подводя итоги сессии, "Правда" тенденциозно выбрала фрагменты речи вице-президента ВАСХНИЛ Г.К. Мейстера. Вот что говорилось о выступлении Мёллера: "Упомянутая неоднократно о Дарвине, он свел доклад к доказательству стабильности генов, чем создал впечатление у слушателей, что он отрицает дарвинизм, как теорию эволюции". А.С. Серебровский "допустил аналогичные ошибки". "Его попытку биологизировать советского человека советская женщина ему никогда не простит". Академик Вавилов "вместо дискуссии увлекся перечислением бесконечных достижений ВИРа. Ясен антидарвинистический характер этих положений Вавилова". Критика на

сессии недостатков "в работе тов. Лысенко однако ни в коей мере не умаляет его заслуг по защите дарвинизма от некоторых антидарвинистических наскоков, ни тем более его огромной работы по изучению развития растений и подхода к методам управления этим развитием". (Правда, 1936, 29 дек.),

Так концепция гена стала злейшим врагом дарвинизма. Понятно, что генетику изъняли из школьных программ, заменив ее дарвинизмом в понимании Презента и Лысенко. Запрет VII Конгресса по генетике в СССР, ликвидация Медико-генетического института, распыление Института экспериментальной биологии, аресты, организация антигенетической газетной кампании были шагами на пути к полному запрету генетики.

Дискуссия под присмотром идеологов

Все же генетики не сдавались. Одной из их акций было обращение в ЦК ВКП(б) с письмом о судьбах генетики. Сталин воспользовался поводом, чтобы подорвать позиции генетиков. Он поручил провести совещание по генетике и селекции редактору журнала "Под знаменем марксизма", только что избранному академику М.Б. Митину, — советские философы именovali его, за особые качества, *Мрак Борисович Митин*.

Н.И. Вавилов, отошедший от своей чисто академической позиции 1936 года, на этом совещании, которое состоялось 7–14 октября 1939 года, привел аргументы в защиту принципов научной генетики и критиковал теоретические позиции Лысенко, Презента и их единомышленников, демонстрируя бесплодность их практических предложений и противопоставляя им реальные успехи генетиков²⁶.

Речь Митина, выразившая волю начальства, подчеркивала "борьбу между *передовым* и *консервативным* направлениями в на-

См.: Филипченко Ю. Наследственность приобретенных свойств // Морган Т., Филипченко Ю. Наследственные ли приобретенные признаки? Пг., 1925. С. 56–57. От удара "биосоциальная евгеника" не оправилась.

²⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 8390. Оп. 1. № 763. Л. 210–212.

²⁶ Выступление акад. Вавилова // Под знаменем марксизма. 1939. № 11.

уке”; называла препятствием развитию генетики “метафизическую теорию гена, которая в настоящее время в формальной генетике занимает чуть ли не центральное место”; призывала “выкорчевать до конца” “теорию предела для возможностей нашего изменения природы”²⁷. (По ходу дела он также критиковал Презента за чрезмерную саморекламу и предостерегал против “даже самых ничтожных проявлений махаевского²⁸ отношения к кадрам нашей советской интеллигенции, работающим на благо социализма”.)

Следующим шагом Сталина стал арест в 1940 году Н.И. Вавилова и других замечательных ученых: Сталин уже наметил окончательное решение генетического вопроса; для этого следовало вывести из игры всех влиятельных генетиков.

И.А. Рапопорт вспоминал: “А.Р. Жебрак, профессор генетики Тимирязевской академии, рассказывал, что после применения к нему после сессии [август 1948] мер он попал на прием к одному очень ответственному лицу, которое начало беседу с ним неслыханным утверждением: “Вас, генетиков, спасли немцы. Если бы не война, мы вас уничтожили бы еще в 1941 году”²⁹. Ответственным лицом был Д.Т. Шепилов, одно время заведовавший Отделом пропаганды и агитации ЦК. Во время войны Шепилов встретил на фронте Рапопорта и рассказал ему о намерении Сталина³⁰.

Пир победителей

После Отечественной войны и до начала холодной войны, то есть, когда американцы, англичане и французы считались союзниками, генетики были в фаворе – отчасти как “картинки на экспорт”. Представитель генетиков вошел в Академию наук; планировался новый генетический институт; генетики активно печатали научные труды, отчасти и за границей; научные конференции по

проблемам генетики и дарвинизма демонстрировали успехи в этих областях исследования; в научной печати появлялись статьи с критикой взглядов Лысенко и Презента и т.п. Кроме того, секретарь ЦК А.А. Жданов, зав. сектором науки Агитпропа Ю.А. Жданов и некоторые другие влиятельные персоны поддерживали генетиков и селекционеров в их противостоянии разрушающей деятельности группы Лысенко – Презента. Были, конечно, и некоторые выступления лысенковцев, но они терялись на общем фоне. В 1946 году вышел первый том “Сочинений” И.В. Сталина с ранней статьей “Анархизм или социализм”, где симпатии были на стороне ламаркизма (при этом автор представлял статью как работу незрелого марксиста). Все же до середины 48-го ничто не предвещало трагедии.

Но в 1947 году Сталин уже твердо знал, что запрет генетики станет важной частью курса на изоляцию страны от остального мира; следовало лишь выбрать форму, в которую выльется запрет, и назначить время. Поскольку у Сталина личный мотив играл весомую роль в принятии политических решений, упомяну здесь эпизод, имевший место в мае 1948 года. И.Н.К., референт одного из Отделов ЦК, не любивший Лысенко, злорадно показал ему переводы двух статей с жесткой критикой в его адрес. (Автором одной статьи был Косминский, работавший по генетике шелкопряда; после войны он оказался в Италии. Косминский, в частности, писал: “Лысенко – это Сталин в науке. Сталин – это Лысенко в политике”. Другая публикация, брошюра Британского имперского бюро растениеводства “Новая генетика в Советском Союзе” Хадсона и Риченса, содержала резюме на ряде языков, включая русский. В резюме отмечалась несостоятельность “мичуринской биологии” и подчеркивалось, что в СССР Лысенко ставят в один ряд с Дарвином, Тимирязе-

В. Бабков
Как ковалась
победа
над генетикой

²⁷ Митин М.Б. За передовую советскую генетическую науку // Под знаменем марксизма. 1939. № 10. С. 150, 165, 170.

²⁸ Названная по имени автора установка на отказ пролетариата и его партии сотрудничать с интеллигенцией.

²⁹ Круглый стол. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // Вопросы истории естественных и технических. 1988. № 1. С. 128.

³⁰ Об этом рассказал И.А. Рапопорт автору. В 1989 г. Д.Т. Шепилов в личном разговоре подтвердил этот эпизод.

вым, Мичуриным.) Взглянув на эти материалы, Лысенко расстроился, махнул рукой и стал спускаться по широкой лестнице. Не дойдя до середины, он вдруг резко повернулся, подскочил к И.Н.К. и выхватил статьи из его рук: "Дайте, дайте, это мне очень нужно!"³¹ Лысенко тогда понял, с чем идти к Сталину.

Он воспользовался и лекцией Ю.А. Жданова "Спорные вопросы современного дарвинизма", которую тот прочитал для лекторов обкомов и горкомов ВКП(б) 10 апреля 1948 года в Политехническом музее. Несмотря на предупреждение отца (Не связывайся с Лысенкой – он тебя с огурцом скрестит!), Ю.А. Жданов включился в конфликт. В лекции он вел дело к тому, что по проблеме внутривидовой борьбы за существование и по проблеме наследственности допустима не только позиция Лысенко, Презента и их сторонников, но и позиция их оппонентов³². (В это время как раз были напечатаны материалы конференции по внутривидовой конкуренции с критикой взглядов Лысенко – Презента, прошедшей в МГУ под покровительством С.В. Кафтанова, министра высшего образования³³; материалы аналогичной конференции по генетике не дошли до печати.) Как впоследствии сообщил И.Е. Глущенко, лекцию Ю.А. Жданова секретно слушал и записывал Лысенко, сидевший в музее у Митина. Лысенко тут же обратился к Сталину, а тот расценил выступление Ю.А. Жданова как ошибочную акцию в поддержку *формальных генетиков*, которая шла в разрез с позицией ЦК (то есть Сталина).

Ю.Н. Вавилов, сын Н.И. Вавилова, рассказал недавно об ответе Сталина на докладную записку Лысенко от 27 октября 1947 года с авантюристским проектом получить полмиллиона тонн пшеницы для нужд Москвы и просьбой высказаться в пользу "мичуринского учения"³⁴. Сталин распорядился разослать ряду лиц

записку в предвидении обсуждения на Политбюро затронутых Лысенко вопросов. Среди адресатов рассылки был и Н.В. Цицин. В то время он уже разошелся с Лысенко: однажды перед войной тот послал своих людей перекопать опытные посадки Цицина. Теперь Цицин сводил счеты: он направил секретарям ЦК Сталину и Жданову обширное письмо с критикой научных концепций Лысенко и описанием провала его практических проектов; он предложил устроить дискуссию для публичной критики Лысенко.

Сталин нашел резон в этом предложении – и *отредактировал* его. 15 июля 1948 года Совмин СССР постановил ввести в состав ВАСХНИЛ 35 новых действительных членов – академиков (после репрессий их оставалось только 16). 28 июля 1948 года "Правда" напечатала список новых академиков, сторонников Лысенко³⁵, и сообщила: "Очередная июльская сессия, посвященная обсуждению доклада академика Т.Д. Лысенко на тему "О положении в советской биологической науке", состоится в конце июля с.г. в гор. Москве". Цицин, хорошо читавший между строк "Правды", при этом известии слег с инфарктом.

Вмешательство сталинщины в генетику было систематическим, долговременным, многоплановым³⁶. Его отзвук слышался еще в 1973 году, когда по заказу М.А. Сулова и при поддержке М.Б. Митина "Политиздат" выпустил стотысячным тиражом воспоминания академика Н.П. Дубинина "Вечное движение" (два переиздания по сто и двести тысяч экземпляров), где вина за лысенковщину с партии, государства и госбезопасности перекалдывалась на крупнейших генетиков.

Вопрос, почему именно генетика стала объектом беспрецедентного внимания Сталина, представляется все еще не вполне выясненным и заслуживает отдельного рассмотрения.

³¹ Рассказано автору в начале 80-х собеседником И.Н.К.

³² Жданов Ю.А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 65–92.

³³ Внутривидовая борьба у животных и растений. М., 1947. См. также: Конференция по проблемам дарвинизма в МГУ // Вестник МГУ. 1948. № 4; О внутривидовой борьбе за существование среди организмов. Вестник АН СССР. 1948. № 3.

³⁴ Вавилов Ю.Н. Август 1948. Предыстория // Человек. 1998. № 4. С. 104–111.

³⁵ Только один из них, В.С. Немчинов, не присоединился к вакханалии обскурантов.

³⁶ Всесторонний анализ практических предложений Лысенко дал В.П. Эфроимсон. Его рукопись "О подрыве сельского хозяйства Советского Союза и международного престижа советской науки" напечатана под названием "О Лысенко и лысенковщине" в журнале "Вопросы истории естествознания и техники". 1989. № 1–4.